

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

**ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ**

ЖУРНАЛЪМЪ ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

Августа 1-го № 15. 1868 года.

— *Содержаніе.* — Слово на день Преображенія Господня. — Поученіе о вспомошествованіи нуждающимся. — Взгляды св. отцовъ Церкви на отношеніе языческой философіи къ христіанскому откровенію. — (Прод.) — Разныя извѣстія. — Объявленія.

С Л О В О

въ день Преображенія Господня.

Взялъ Иисусъ Петра и Іакова и Іоанна, и возвелъ ихъ на гору высокую однихъ, — и преобразился предъ ними: и просіяло лицо его какъ солнце, ризы же Его сдѣлались бѣлыми какъ снѣгъ. (Матѳ. 17, 1—2.).

Настоящій праздникъ—св. славное преображеніе Господне, напоминаетъ намъ брат. христъ, и наше будущее переходеніе, или лучше, измѣненіе въ другое, совершенно отличное отъ настоящаго, состояніе, въ жизни загробной. Напоминаетъ ту блаженную участь душъ праведныхъ, когда они по-

добно лицу Іисуса Христа, просіявшему на Өаворѣ, просіяютъ какъ солнце въ царствѣ Отца Небеснаго; кратко сказать, напоминаетъ намъ жизнь будущаго вѣка, въ которую мы вступимъ чрезъ порогъ смерти. На этой истинѣ мы желаемъ сосредоточить ваше вниманіе.

Размышлять о вѣчности и всегда полезно, по слову Премудраго, — но, если когда ощутительна можетъ быть польза отъ подобнаго размышленія, то именно въ наше печальное время, когда со всѣхъ сторонъ раздаются дикіе возгласы людей вѣка сего, ослѣпленныхъ невѣріемъ въ эту, столь утѣшительную для души нашей, истину. Вы догадываетесь, бр., какія убѣжденія мы имѣемъ въ виду: убѣжденія тѣхъ жалкихъ нравственныхъ слѣпцовъ, которые извративъ въ себѣ благороднѣйшія стремленія души и сердца, въ буйствѣ страстей увѣряютъ другихъ словами древнихъ соименниковъ своихъ: *яко самослучайно рождени есмы, и посемъ будемъ, якоже не бывше, понеже дымъ дыхати въ поздрехъ нашихъ, и слово искра въ движеніи сердца нашего: ей же угасшей пепелъ будетъ тѣло, и духъ нашъ разлетяся яко мяккій воздухъ.* (Прем. Солом. 2, 2—3).

Бр. христ., надобно быть слишкомъ близорукими, чтобы не видать, что за предѣлами вещественнаго міра существуетъ другой невидимый, духовный міръ, къ которому мы принадлежимъ по душѣ, и отъ котораго отдѣлены теперь не болѣе, какъ покровомъ плоти. Только слишкомъ недалководный не можетъ понять, что это вещественное тѣло есть только временная храмина безсмертнаго духа нашего, по разрушеніи которой мы, какъ говорятъ

апостоль, облечемея въ нетлѣніе и перейдемъ въ безсмертіе. Мысль о вѣчности невольно возникаетъ въ душѣ нашей, когда мы внимательно слѣдимъ за явленіями, совершающимися и въ видимомъ мірѣ. Что представляетъ намъ исторія прошедшихъ вѣковъ и что всего чаще встрѣчается намъ въ настоящемъ? Слѣды повсюднаго разрушенія, видоизмѣненія. Что случилось съ древними знаменитыми государствами и городами? Они исчезли съ лица земли, такъ что трудно отыскать даже слѣды ихъ существованія. Тоже будетъ, конечно, чрезъ нѣсколько вѣковъ и съ настоящими. Что станется съ этими сѣменами, которыя мы бросаемъ въ землю во время посѣвовъ, — или этими цвѣтами, которыя служатъ лучшимъ украшеніемъ нашихъ садовъ? И тѣ и другія, безъ сомнѣнія, умрутъ. Но, среди повсюднаго разрушенія и видимаго исчезновенія, пропадаетъ ли, собственно, что либо съ лица земли? Нѣтъ. Оно только переиначивается, видоизмѣняется, т. е. перерождается, въ другую жизнь.. На мѣсто исчезнувшихъ царствъ и городовъ — возникли другіе, на мѣсто увядшихъ растений, выростутъ новыя свѣжія. *Ты еще спиши, говоритъ апостоль Павелъ, объясняя эту истину, не оживетъ, еще не умретъ.* Такъ, бр., и въ чувственной природѣ есть ясное указаніе, или лучше, отраженіе нашего безсмертія; но эта истина явится намъ въ гораздо большемъ свѣтѣ, если мы обратимъ вниманіе на свою собственную природу, на насъ самихъ. Чувства, убѣждающія насъ въ нашемъ безсмертіи, такъ глубоко положены Творцомъ въ природу нашей души, что исторгнуть ихъ изъ нее, значило бы измѣнить свойства,

или лучше, самую природу души. Разсматривая эти свойства мы находимъ между ними и такія, которыя возбуждаютъ въ насъ непреодолимое стремленіе къ безконечному: таковы наши желанія. Если мы созданы только для земли, то почему ничто земное не можетъ удовлетворить нашихъ желаній? Отъ чего все величіе міра сего рождаетъ въ насъ мысль о такомъ величіи, котораго не могла бы уничтожить самая смерть? Отъ чего видимая нами красота вселенной побуждаетъ насъ искать еще совершеннѣйшей красоты, такой, которой никогда не видалъ взоръ человѣка? Почему нашъ слухъ не удовлетворяется самыми восхительными звуками, какіе только приходилось ему слышать на землѣ? Отъ чего нашъ взоръ порывается къ новымъ предметамъ, еще не виданнымъ, — и нѣтъ на землѣ предмета, который бы навсегда приковалъ къ себѣ наше любопытство и вниманіе? Отъ чего нашъ умъ недовольствуется никакими знаніями человѣческими? Словомъ: откуда въ насъ это непонятное чувство, вѣчно ищущее иного міра, иной красоты, иного величія, иной мудрости, чѣмъ тѣ, съ которыми мы встрѣчаемся въ области земной, скоропроходящей нашей жизни? Конечно, скажете вы бр., это чувство вложилъ въ природу нашей души Самъ Богъ, Творецъ ея. Такъ. Но неужели же этотъ Богъ, всѣ дѣйствія Котораго запечатлѣны премудростію, благостію и любовію, могъ не принять этихъ совершенствъ въ одномъ этомъ дѣйствиі? Да не будетъ, скажемъ съ апостоломъ. А къ этой, — недостойной Бога, — мысли мы могли бы придти, если бы согласились, что вложенное Имъ въ нашу душу стрем-

леніе къ безконечному, дано ей безъ всякой цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно было бы не понятно для чего возбуждены во мнѣ всѣ эти возвышенныя, или лучше безконечныя стремленія, если я созданъ для того, чтобы обратиться въ прахъ, въ ничтожество. Непреодолимая жажда неизмѣннаго счастья умѣстна ли въ душѣ моей, если мой удѣлъ горсть благъ земныхъ? Вѣчные порывы въ исканіи лучшаго, совершеннѣйшаго, къ чему они, если послѣдній предѣлъ моихъ исканій заключенъ въ области земныхъ предметовъ? Это значило бы — дать мнѣ жизнь, задача которой должна состоять въ исканіи призрака, въ преслѣдованіи мечты, въ достиженіи несбыточныхъ предположеній. Это значило бы — далѣе, что человѣкъ — этотъ вѣнецъ и красота тварей, созданныхъ Богомъ на землѣ, существо, запечатлѣнное образомъ и подобіемъ самаго Бога, есть одна изъ злосчастнѣйшихъ тварей въ цѣпи творенія. Доля ничтожнѣйшаго насѣкомаго, даже былинки, прозябающей на землѣ, была бы завиднѣе его доли. Ибо эти твари, вызванныя къ жизни лучемъ свѣта, вкусившія сладость ея въ каплѣ росы, всосанной ими съ лона природы, вполне достигли своего предназначенія: но человѣкъ... о, сколько среди насъ такихъ, для которыхъ едва лишь начинается заря жизни, какъ неумолимая смерть повергаетъ ихъ въ могилу. Скажите, брат., какой умъ не потерялся бы, стоя на краю этой могилы? Кто не огласилъ бы ея молчаливой глубины воплемъ отчаянія? Кто не сказалъ бы тогда: нѣтъ Бога?

Но Богъ есть — и мы бессмертны. Есть Богъ — живой и вѣчный, въ царствѣ Котораго нѣтъ мерт-

выхъ: *все убо у Того живи суть*, по слову Божеств. Спасителя. Есть Богъ правосудный, Который не предназначаетъ одинаковой участи пороку и добродѣтели, притѣснителямъ и страдальцамъ. Въ этой истинѣ убѣждаетъ насъ—нашъ умъ, о ней внятно говоритъ и сердце наше. И если противъ нее возстаетъ нечестіе и безуміе, за то о ней немолчно вѣвѣщаетъ и видимая вселенная и голосъ всего чело-вѣчества. Развѣ можно представить зданіе безъ строителя? Развѣ можно взирать на этотъ прекрасный и величественный міръ, безъ мысли о Творцѣ онаго? Пересмотрите все памятники прошедшаго, спросите людей, живущихъ нынѣ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ свѣта, вы повсюду найдете слѣды вѣры въ Бога и безсмертіе души, хотя неведѣ одинаково ясные.

Думаете ли, братіе, что къ этому убѣжденію не приходятъ и самые ожесточенные противники этой истины? Напротивъ. Безчисленные примѣры свидѣтельствуютъ, что мысль о вѣчности является и въ ихъ душѣ, но только тогда, когда пробуждается ихъ совѣсть и раскрываетъ предъ ними ихъ жалкое ослѣпленіе. А эти минуты бываютъ большею частію предъ ихъ кончиною. Если бы, бр., кому либо изъ васъ пришлось быть свидѣтелемъ кончины хотя одного изъ подобныхъ несчастливцевъ, онъ увидѣлъ бы картину по истинѣ достойную слезъ. Чувствуя, что земная жизнь, которую этотъ жалкій нравственный слѣпецъ такъ страстно любилъ, угасаетъ, какъ догорѣвшая свѣча, уносится, какъ неудержимый потокъ, онъ грустнымъ взоромъ осматриваетъ свое прошедшее, какъ бы ища въ немъ хотя одной свѣт-

лой точки, на которой могъ бы, сколько нибудь, успокоиться его смущенный умъ. Вслухъ и передъ всеми перебираетъ и обсуждаетъ онъ все свои дѣла и поступки. Но, увы, жизнь, проведенная въ страстяхъ, убившихъ въ его душѣ все благородныя стремленія, является предъ нимъ по его же собственному сознанию, печальнѣе дикой пустыни, лишенной всякаго проявленія жизни. Не находя въ себѣ никакихъ слѣдовъ добра; онъ усиливается исторгнуть хотя слабый вздохъ раскаянія, умягчить хотя нѣсколькими слезами ожесточенное грѣхомъ сердце: но ахъ! его душа, прилѣпленная къ землѣ, его сердце, растравленное грѣхомъ, неспособны уже возбудить въ себѣ чувствъ истиннаго покаянія. Не понимая утѣшеній міра духовнаго, несчастный грѣшникъ впадаетъ въ отчаяніе. Страшенъ становится онъ тогда, когда начинается въ немъ борьба съ ужасами смерти: то вдругъ обращаетъ онъ свой угасающій взоръ къ небу, — взоръ полный страха и смятенія, то дико озираетъ предстоящихъ его смертному одру, какъ бы ища виновниковъ своей злосчастной кончины. Изъ устъ его, искаженныхъ смертными муками, постоянно исторгаются, то вздохи отчаянія, то ужаснѣйшія проклятія, отъ которыхъ съ ужасомъ отвращается слухъ свидѣтелей его предсмертныхъ страданій. Взирая на это-ужасно бѣдственное состояніе души умирающаго нечестивца, нельзя не понять, что душевныя муки терзаютъ его несравненно болѣе, чѣмъ самыя тяжкія болѣзни разрушающагося тѣла. Явленіе, достойное вниманія! Оно несомнѣнно доказываетъ ту истину, что мысль о вѣчности глубоко лежитъ въ природѣ людей, что

если она на время бываетъ усыпляема, за то, когда настаесть часъ смерти,---она пробуждается и пробужденіе ея бываетъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ продолжительнѣе былъ сонъ.

Такъ, бр , голосъ временъ прошедшихъ и настоящихъ, свидѣтельство нашего ума и сердца, соединяясь съ непререкаемо истиннымъ свидѣтельствомъ нашей церкви, убѣждаютъ насъ въ нашемъ безсмертіи. Не будемъ же смущаться, если придется услышать дерзкіе возгласы противниковъ этой истины, людей, по слову Царепорока, омраченныхъ умомъ---и развращенныхъ сердцемъ. Глубоко запечатлѣемъ въ душѣ изреченіе мудраго, который такъ говоритъ о вѣхъ подобныхъ суетумудрахъ: *сія помыслиша и прельстишася: ослѣпи бо злоба ихъ. И неувѣдѣша таинъ Божиихъ, ниже мзды уповаша преподобія, ниже присудиха чести душамъ непорочнымъ.* (Прем. Сол. 2, 21---22). *Тѣмъ же числѣдятъ трудовъ своихъ плоды — вѣчную погибель* Будемъ молить Милосердаго Спасителя нашего, да выну озаряетъ насъ свѣтомъ истины и введетъ въ жизнь вѣчную, идѣ же праведницы сіяютъ яко свѣтила въ лонѣ вѣчной любви Божіей. Аминь.

П О У Ч Е Н І Е

о вспомооществованіи страждущимъ отъ голода.

*И озлоби тя и гладомъ
замори тя.* (Второз, 8, 3.)

Обрацаю, брат., нынѣшнее слово мое къ вашей христіанской милости. Вы, думаю, слышали, что прошлое лѣто нѣкоторыя губерніи, напримѣръ: Орловскую, Рязан-

скую, Тульскую, Калужскую, Архангельскую и другія, Господь посѣтилъ голодомъ. Урожай въ тѣхъ губерніяхъ или вовсе не было, или онъ былъ такъ ничтоженъ, что его едва достало для пропитанія жителей до осени. Съ тѣхъ поръ имъ пришлось терпѣть крайнюю нужду въ хлѣбѣ. По недостатку его цѣна на него сдѣлалась огромная. Чтобы купить себѣ насущнаго хлѣба, бѣдные жители принуждены были за самую ничтожную цѣну продавать весь свой скотъ. Когда же оскудѣвали и послѣднія ихъ средства и имъ грозила опасность умереть отъ голода, они цѣлыми семьями оставляли свои дома и, изможенные, обезсиленные голодомъ, подобно тѣнямъ, блуждали изъ села въ село, прося дневнаго пропитанія. Пишутъ, (Соврем. Лис.) «въ одномъ селѣ увидѣли странника подошедшаго къ одному двору и упавшаго безъ чувствъ у воротъ. По худой и истощенной фигурѣ этого человѣка можно было видѣть, что онъ упалъ отъ истощенія; сознаніе почти оставило его; какъ оказалось потомъ, это былъ одинъ собственникъ, который послѣ продолжительнаго голода, оставилъ свой домъ, чтобы искать помощи, и который дома оставилъ жену и дѣтей, ожидающихъ голодной смерти или случайнаго спасенія. Въ другомъ мѣстѣ увидѣли двухъ дѣтей прислонившихся къ печи въ какомъ-то тяжеломъ забытіи. Когда одному изъ нихъ, мальчику, дали кусокъ хлѣба, отъ бросился пожирать его, какъ хищный звѣрь; велѣли ему разбудить сестру, онъ долго не могъ привести ея въ себя: она уже впала въ то безчувственное состояніе, которымъ обыкновенно оканчиваются мученія голода. Когда взглялъ ея упалъ на хлѣбъ, который ей предлагали, она съ невѣроятною жадностію стала рвать куски его и проглатывать. Еще, въ одномъ домѣ видѣли слѣдующую отчаянную картину: на лавкѣ сидѣла женщина, блѣдная, худая, съ печатью безсознательнаго отчаянія на лицѣ; въ печи скорчившись сидѣла дѣвочка, также уже впавшая почти въ безсознательное состояніе, на полу въ тряпкѣ лежалъ мальчикъ въ лѣтъ 7, худой скелетъ. Эти несчастные въ продолженіи трехъ дней ничего не ѣли. Не подалеку оттуда, въ одномъ изъ домовъ, покинутомъ всеми домашними, нашли одного старика, сидящаго за трапезою, состоявшею изъ хлѣба изъ сосновой коры, кружки воды и нѣсколькихъ кру-

пинокъ соли. Когда его спросили, что намѣренъ дѣлать, когда выйдетъ его скудный запасъ, онъ отвѣчалъ: «что же болѣе, какъ не умереть?»—И много такихъ несчастныхъ страдальцевъ, которые, не дождавшись ни откуда помощи, умирали и, можетъ быть, умираютъ еще голодною смертію?.. Вотъ братъ, каково въ настоящее время положеніе тѣхъ бѣдныхъ братій нашихъ по вѣрѣ и крови, которыхъ Господь посѣтилъ голодомъ? У насъ—слава Богу!—хлѣба было и продать, а у нихъ и поля остаются незасѣянными, мы сыты, а они или ѣдятъ хлѣбъ изъ сосновой коры или умираютъ съ голоду.. Останемся ли мы, братъ, послѣ этого холодными, безстрадательными къ несчастію нашихъ ближнихъ? Благо ли будетъ у насъ на сердцѣ, когда мы услышимъ о голодной смерти тѣхъ, которымъ мы могли бы подать свою посильную помощь? И что скажетъ намъ Господь, когда на страшномъ судѣ Его мученики голода станутъ жаловаться Ему на наше жестокосердіе? Можемъ ли мы, наконецъ, и здѣсь—въ этой жизни просить у Господа благословенія на свои дѣла и милости Его, когда мы сами откажемся помочь голодающимъ нашимъ братьямъ?—Не дай Богъ, чтобы мы оказались не чувствительными, не милостивыми къ нашимъ ближнимъ! Мы русскіе! Кто укоритъ русскихъ въ неусердіи,—кто скажетъ, что они, когда либо, видя бѣдствія даже чуждыхъ по роду и племени, не подали имъ своей помощи?... Русскихъ помнятъ страдавшіе Греки, на нихъ на пожалуются и угнетенные въ настоящее время жители острова Крита и голодающіе Финляндцы. По примѣру Государя Императора, пожертвовавшаго съ Своимъ Домомъ до 50 тыс. р. сер., (Совр. Лист.) и въ настоящее время многіе уже и принесли свою посильную помощь бѣдствующимъ отъ голода. Отъ подаванія благочестивыхъ жертвователей собрано уже болѣе 650 тыс. р. денегъ и 3 тыс. 200 пудовъ хлѣба. (Совр. Лист.) Надобно и намъ пособить несчастнымъ страдальцамъ; они и отъ насъ ждуть себѣ насущнаго хлѣба. Вѣдь и мы такіе же христіане, какъ и тѣ, которые сдѣлали пожертвованіе на пособіе имъ. Да, мы христіане, мы ученики и послѣдователи Иисуса Христа. Но назовутъ ли насъ христіанами, если мы, зная, что ближне(е) наши умираютъ отъ голоду, не подадимъ имъ отъ себя помощи, когда Самъ Учитель

нашъ Господь Иисусъ Христосъ, возлюбивъ насъ болѣе себя, предалъ Себя за насъ на смерть? Назовутъ ли насъ христіанами, если мы отъ имущества своего не удѣлимъ Христовой братіи, когда Самъ Господь Иисусъ Христосъ *обнищалъ насъ ради, богатъ сый?* (2 Коринѳ. 8. 9.). Назавутъ ли насъ христіанами, если мы не захотимъ преломить хлѣба своего, дабы подѣлиться съ гладными, когда Самъ Господь нашъ, во время своей земной жизни, переносилъ ради насъ и голодь и жажду? Такъ,—кто изъ насъ можетъ сотворить милость, и не сотворить ее ближнимъ своимъ, нуждающимся въ ней,—тотъ не стоитъ имени Христіанина, тотъ не послѣдователь Иисуса Христа. Только взаимною любовію другъ къ другу христіане и отличаются отъ невѣрующихъ. *О семъ разумѣютъ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою,* сказалъ Самъ Господь. (Іоанна 13. 35.). Кто же, имѣя искреннюю, нелицемѣрную любовь къ своимъ ближнимъ, и видя ихъ нуждающимися, умирающими отъ голода, не подастъ имъ помощи, не сотворитъ имъ милости? И блаженъ, брат., тотъ, кто, по слову Премудрото, *не презритъ творити милостыни, и нищему простретъ руку свою!* Сирах. 7, 11, 33.). Сей сторпцею приметъ, сказалъ Господь.—*Милостыня* по слову Писанія *очиститъ грѣхи.* (3, 30). Милостивымъ, по этому, Господь и на судѣ Своемъ общаетъ помилованіе: *блазени милостивии, яко тѣи помилованы будутъ.* (Матѳ. 5, 7.). *Приидите благовословеннии Отца Моего, насльдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра,* (Матѳ. 26, 34) скажетъ Господь на страшномъ судѣ Своемъ тѣмъ, которые посѣщали больныхъ, принимали странныхъ, одѣвали нагихъ, поили и кормили алчущихъ и жаждущихъ. Страшный, не милостивый; напротивъ приговоръ услышать не творившіе милостыни. не помогавшіе своимъ нуждающимся братіямъ!.. Правду, по этому сказалъ Премудрый Соломонъ: *душѣ своей благодѣлаетъ мужъ милостивый, погубляетъ же тѣло евое не милостивый.* (Притч. 11, 17.). *Милуай нища взаимъ даетъ Богови; по даванію же его воздастся ему,* (Притч. 19, 17)—воздается, по обѣтованію Господа, и за чашу студеной воды, которою мы напоимъ просящаго во Имя Его. (Марк. 9, 41.).

Дорожите же, брат., обѣтованіемъ Господа, и не презрите заповѣдь Спасителя нашего, Который заповѣдалъ намъ любить и помогать другъ другу: образъ дахъ вамъ... *якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе.* (Іоан. 13, 15, 34.). *И надъ мертвецемъ не возбрани благодати,* (Сирах. 7, 36) говоритъ Премудрый: какъ же намъ быть не чувствительными, не милостивыми къ живымъ, страждущимъ отъ голода, братіямъ нашимъ?—На пособіе имъ отъ благочестивыхъ жертвователей собраны говорю, уже тысячи, а мы не подали имъ еще отъ себя и копѣйки! Неужели мы считаемъ себя безгрѣшнѣе тѣхъ несчастныхъ, которыхъ Господь наказалъ голодомъ?—Не близка ли, напротивъ, и къ намъ карающая рука Господня? Можемъ ли мы тогда ждать себѣ откуда помощи, если сами откажемся помочь другимъ!.. Истинно слово Господне: *въ шожже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ.* (Марк. 4, 24.). *Простремъ же, брат., по слову Премудраго, нищимъ руку помощи, да совершится благословеніе наше!* Перешлемъ имъ на хлѣбъ насущный кто что и сколько можетъ? Одна бѣдная вдова, говорится въ Евангеліи, положила въ сокровищницу храма Іерусалимскаго только 2 лепты, однако Господь не осудилъ ее за то, а сказалъ, что она положила больше всѣхъ клавшихъ въ сокровищницу. (Марк. 12, 43). Пусть и изъ васъ, кто богатъ—подастъ рубль, а неимущій хоть гривну: Господь и того не забудеть. *Милуйя, помилованъ будетъ.* Аминь. (Притч. 17, 5.).

Сл. Гайдарская.

Свящ. В. Вишневскій.

Взгляды Св. Отцовъ и Учителей Церкви на вопросъ объ отношеніи языческой философіи къ христіанскому откровенію, и причины различія этихъ взглядовъ.

(Продолженіе).

Въ ряду отцовъ и учителей Церкви, отрицавшихъ свѣтскую образованность и не дававшихъ ни какого мѣста языческой философіи въ положительномъ христіанскомъ откровеніи, находятся, прежде

всего, св. отцы восточной малоазійской Церкви, хотя ихъ взглядъ на языческую философію и далеко снисходительнѣе, чѣмъ взглядъ на этотъ же предметъ Тертуліана или другаго какого либо изъ собственно западныхъ отцовъ. Объясненіе этаго явленія можно видѣть въ напорѣ, свирѣпствовавшихъ еще въ первомъ вѣкѣ христіанской эры, гностическихъ толковъ, со всѣхъ сторонъ стремившихся вторгнуться въ среду положительнаго христіанскаго ученія, и заботѣ отцовъ Церкви оградить проповѣдуемое ими ученіе отъ этихъ толковъ. Гностики тѣмъ болѣе опасны для цѣлости и чистоты богооткровенной религіи, что они смотрѣли на христіанство, какъ на одну изъ философскихъ системъ и потому самому считали себя въ правѣ относиться къ нему также легко и свободно, какъ вообще ко всякому произведенію ума человѣческаго. Они думали съ помощію откровенной религіи составить болѣе высшую универсальную философію; богооткровенныя истины служили для нихъ только обширнымъ матеріаломъ, которымъ такъ дерзки—свободно распоряжалась ихъ разнузданная мысль. Все осмыслить, взвѣсить, все подвести подъ узкія мѣрки человѣческаго разума и пониманія—вотъ не легкая задача гностиковъ. Вопросы надъ рѣшеніемъ которыхъ такъ усиленно и тщательно работала ихъ пытливая мысль, были вопросы чистаго разума и религіи, на которые они не нашли удовлетворительнаго отвѣта у первокласныхъ мыслителей Греціи. Самая софистичность и абсолютизмъ этихъ вопросовъ въ родѣ, напр. какъ мыслить переходъ отъ безконечнаго къ конечному? или какимъ образомъ

Богъ—существо абсолютно духовное есть виновникъ матеріальнаго міра? или откуда разность природы въ людяхъ? достаточно характеризуютъ общее направление излѣдованій гностиковъ. Плодомъ усиленнаго умствования или вѣрнѣе лжеумствования гностиковъ явилась самая роскошная фантастическая система, по широтѣ и необузданной свободѣ взглядовъ превосходившая всякую религіозную или философскую систему когда-либо существовавшую въ человѣчествѣ. Такъ какъ система эта вышла изъ эклектико-синкретическихъ ¹⁾ стремленій того времени собрать и привести въ единство и стройность всѣ истины добытыя человѣчествомъ въ продолженіи долгой его жизни; то въ составъ ея, кромѣ собственно философскихъ ученій, вошли космогоническія и теософическія системы Греціи и Востока, на ряду съ которыми поставлено было іудейство и христіанство. Но все это въ системѣ гностиковъ до того перепуталось, обезобразилось и исказилось, что трудно назвать ее однимъ опредѣленнымъ именемъ. Это не была въ частности ни философія, ни религія, ни язычество, ни іудейство, ни христіанство;

¹⁾ *Эклектизмъ*—отъ ἐκλέγω выбирать, избирать; этимъ терминомъ обозначается стремленіе изъ многихъ системъ составить одну истинную систему. Въ области исторіи философіи названіе эклектиковъ прилагается по преимуществу къ философамъ александрійской школы, старавшимся согласить ученіе Аристотеля и нѣкоторыхъ восточныхъ философовъ съ ученіемъ Платона. Словомъ же *синкретизмъ* (отъ σύν и κρητισμος—поведеніе достойное критики, ложь и обманъ) обозначается почти тоже понятіе, что и словомъ эклектизмъ. Это названіе по преимуществу усвоится системамъ, произшедшимъ отъ соединенія и примиренія самыхъ противоположныхъ мнѣній.

система эта представляла собою какую-то чудовищно-фантастическую смѣсь всѣхъ возможныхъ религиозныхъ вѣрованій и философскихъ ученій. Менѣе всего эту дико-безобразную смѣсь можно назвать христіанствомъ, хотя сами гностики и считали себя христіанами и даже претендовали быть единственно истинными учениками Иисуса Христа. Но въ ихъ ученіи отъ христіанства остались одни только слова и термины, положительно утратившіе свой первоначальный смыслъ и получившіе совершенно иное значеніе. Христіанство не могло узнать здѣсь ни одного изъ своихъ Божественныхъ догматовъ. Въ ихъ ученіи Ботъ явился чѣмъ-то совершенно обезличеннымъ, лишеннымъ всякаго имени, и гностики поступили очень благоразумно, когда самое названіе Бога—*Θεός* замѣнили, болѣе соотвѣтствующими ихъ представленіямъ, названіями: «необъятной бездны» (*γυθός*) и другими (*προπάτωρ*, *προαρχή*). Еще большимъ безобразіемъ и богохульствомъ отличалось ихъ ученіе о личности Иисуса Христа. Спаситель, по лжеумствованіямъ гностиковъ, былъ только эманациею разума (*λόγος*, *νῦος*, *μονογενής*), протекшею изъ вѣчнаго существующаго самобытно духа, былъ верховнымъ эономъ, за которымъ гностики помѣщали еще цѣлый рядъ эоновъ (*ἄφῶνες*), въ своей совокупности составлявшихъ божественную плирому (*πλήρωμα*) Искупленіе и примиреніе человѣка съ Богомъ чрезъ Иисуса Христа потеряло у нихъ истинный смыслъ и значеніе, такъ какъ они въ личности Христа не допускали вностаснаго соединенія божества съ человѣчествомъ, а учили что Божественный разумъ (*λόγος*) или Христось только

вселился въ чловѣка Иисуса и то при крещеніи, и былъ такъ сказать, безплотнымъ отвлеченнымъ призракомъ, неимѣвшимъ ни какого участія въ страданіяхъ чловѣка Иисуса. Точно также гностики изуродовали и обезобразили и другіе догматы христіанства. Но явныя нелѣпости и несообразности ученія гностиковъ съ православнымъ христіанскимъ ученіемъ не останавливали этихъ дерзскихъ мечтателей. Противорѣчія между ихъ ученіемъ и ученіемъ св. писанія и преданія гностики думали устранить съ одной стороны, тѣмъ, что присвоили себѣ право собственнымъ авторитетомъ опредѣлять смыслъ, какой можно давать извѣстнымъ мѣстамъ св. писанія. Назвавши себя пневматиками (*πνευματικοί*) людьми высшими, совершенными, они узаконили неограниченно-свободное отношеніе къ Слову Божию и всюду искали вышшаго, аллегорическаго смысла, сокрытаго, по ихъ мнѣнію, подъ покровомъ словъ и образовъ; выбирали въ писаніи двусмысленныя выраженія, или какія-либо совершенно оторванные отъ связи рѣчи слова и толковали ихъ по своему. 2) Это отрицаніе авторитета Церкви въ дѣлѣ пониманія и толкованія св. писанія, составляющее необходимую отличительную черту еретиковъ всѣхъ временъ, у гностиковъ нашло себѣ самое обширное приложеніе и развитіе. Они не задумались даже отвергнуть многія книги св. писанія, или нѣкоторыя мѣста извѣстныхъ книгъ, на томъ единственно основаніи, что писатели ихъ, будтобы, были еще полны іудейскихъ предразсудковъ и потому не поняли истинна-

2) Strom. lib VII, cap. 16; срав. lib. III, cap. II.

го ученія Христа. На мѣсто же исключенныхъ изъ канона священныхъ книгъ они безсовѣстно фабриковали новыя евангелія, въ которыхъ излагали свое лжеученіе и такимъ образомъ, отъ имени Христа или какого-нибудь изъ Его апостоловъ, распространяли догматы совершенно противоположные истинному откровенію. Съ другой стороны въ отношеніи къ св. преданію, они думали оправдать свое лжеученіе, радикально расходящееся съ ученіемъ Церкви, тѣмъ, что хвалились обладаніемъ какого-то таинственнаго, *эзотерическаго* (отъ *ἐσωτερικός*—внутренній) преданія, полученнаго ими отъ нѣкоторыхъ апостоловъ, болѣе другихъ способныхъ понимать истинное ученіе ихъ учителя, ³⁾ преданія, несравненно высшаго и совершеннѣйшаго, чѣмъ общее *экзотерическое* (*ἐξωτερικός*—внѣшній) преданіе Церкви. Таковъ методъ гностиковъ. Принимая, измышленную ими дико-безобразную систему полную самыхъ фантастическихъ гипотезъ, за неоспоримую, истинную систему философіи и религіи и величая ее «высшимъ вѣдѣніемъ, религіею совершенныхъ», гностики гордились своимъ знаніемъ высшей философіи и религіи и съ презрѣніемъ относились къ простой сердечной вѣрѣ христіанъ въ неизмѣнность и святость христіанскаго вѣроученія и нравоученія, и—что главное—своимъ безцеремоннымъ отношеніемъ къ Богооткровеннымъ истинамъ подавали дурной примѣръ новообращеннымъ къ вѣрѣ въ Иисуса Христа. Къ

³⁾ По словамъ Климента александрійскаго, гностикъ Василидъ называлъ себя ученикомъ Глоція толкователя св. Петра; а Валентинъ претендовалъ производить свое ученіе отъ Февды, ученика апост. Павла. (Strom. lib. VII, cap. II).

такимъ печальнымъ результатамъ привели гностиковъ необузданная свобода и излишнее философствованіе въ отношеніи къ христіанству. Все это естественно вызывало со стороны св. отцовъ и учителей Церкви строгое отношеніе къ свѣтской образованности, такъ опасной для умовъ и сердець еще не вполне окрѣпшихъ и утвердившихся въ истинахъ новой религіи.

Но при всемъ томъ нельзя не замѣтить, что и въ этомъ случаѣ св. отцы, какъ Иринеи и др. представители восточной Церкви, въ своихъ не благосклонныхъ отзывахъ о свѣтской образованности во все не заходили такъ далеко, какъ учителя собственно западные. Они являлись только строго вѣрными хранителями апостольскаго ученія и истиннаго апостольскаго преданія. Говоря, напр. о томъ, что «лучше ничего не знать, не знать цѣли ни одной сотворенной вещи, чѣмъ отъ остроумныхъ вопросовъ и мелочныхъ тонкостей впадать въ безбожіе», *) св. Иринеи повторяетъ и развиваетъ только то, что высказали апостолы, увѣщавшіе вѣрующихъ «остерегаться негоднаго пустословія и прекословія лжеименнаго разума» (1 Тим. VI, 20, 21 и IV, 7; 2 Тим. II, 16—18), которые и въ ихъ еще время соvertsили нѣкоторыхъ христіанъ на шаткій путь лжеученія и ереси (1 Иоан. 11, 18 и 19). Если ближе всмотрѣться въ смыслъ приведенныхъ словъ св. Иринея, то въ нихъ вовсе не видно совершеннаго отрицанія свѣтской образованности и положительнаго запрета христіанамъ знакомиться съ

*) Adv. haer., lib II, p. 47.

языческою наукою и литературою: знаменитый отецъ Церкви говорить здѣсь только о томъ, что «вѣра въ Иисуса Христа, Сына Божія, распятаго за насъ» и знаніе божественнаго домостроительства составляютъ главное и необходимы челоѣку гораздо болѣе, чѣмъ философское знаніе предметовъ міра видимаго и что въ случаѣ нужды послѣднимъ можно пожертвовать для сохраненія въ цѣлости и чистотѣ перваго. — Но, по мѣрѣ того, какъ гностицизмъ терялъ свою обаятельную прелесть и первоначальное значеніе, а христіанство сильнѣе и глубже проникало въ умы и сердца вѣрующихъ, перемѣнились и самыя отношенія св. отцовъ и учителей Церкви къ языческой образованности. Съ третьяго вѣка благосклонное отношеніе и любовь къ изученію философіи становятся у христіанъ дѣломъ обыкновеннымъ. Св. отцы восточной Церкви начинаютъ рекомендовать философію, какъ руководство или приготовленіе къ христіанству; въ языческихъ школахъ Аѳинъ и Константинополя сами изучаютъ свѣтскую словесность и философію, какъ Василій Великій, Григорій Назіанзскій, Іоаннъ Златоустъ и мног. др.; наконецъ въ самое христіанское огласительное училище вводится преподаваніе философскихъ, словесныхъ и математическихъ наукъ. Такимъ образомъ неблагосклонное отношеніе нѣкоторыхъ св. отцовъ восточной Церкви, какъ дѣло случайное вызванное серьезною опасностью угрожающею христіанству, остается частнымъ фактомъ, мало говорящимъ противъ того общаго уваженія, которымъ пользовалась философія на всемъ христіанскомъ востокѣ.

Другой фактъ, необходимо выставляющійся на видъ при объясненіи взглядовъ св. отцовъ и учителей Церкви на вопросъ объ отношеніи языческой философіи къ христіанству—отсутствіемъ серьезнаго философскаго образованія на западѣ и близкимъ знакомствомъ и любовію къ занятіямъ философіею на востокѣ,—представляетъ то явленіе, что не всегда отсутствіе обширнаго и обстоятельнаго знакомства св. отцовъ Церкви съ языческою философіею служило въ нихъ источникомъ совершеннаго ея отрицанія и враждебнаго отношенія къ ней. Дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ то положеніе, что не знаніе извѣстнаго предмета ведетъ къ его порицанію и даже отрицанію, оказывается безспорно вѣрнымъ. Постоянно оправдываясь въ примѣненіи къ различнымъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія, это положеніе тѣмъ болѣе можетъ быть приложимо къ языческой философіи. Еще Григорій Богословъ замѣтилъ, что въ его время «многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушались учености языческой, какъ злохудожной, опасной и удаляющей отъ Бога». ⁵⁾ Но давать этому положенію значеніе аксіомы было бы не справедливо. Въ большинствѣ случаевъ оно пожалуй и вѣрно; но изъ него возможны и необходимы исключенія. Непримиримые враги языческой образованности и самые рьяные порицатели греческой философіи—Татіанъ и Тертуліанъ—имѣли все средства близко и обстоятельно познакомиться со всеми философскими системами своего времени и справедливо считались людьми

⁵⁾ Слово 43; см. рус. переводъ этого слова въ «творен. св. отцовъ» IV, 63.

получившими блестящее и всестороннее языческое образование. Дошедшія до насъ ихъ сочиненія очень ясно свидѣтельствуютъ объ обширномъ знакомствѣ этихъ учителей Церкви съ языческою наукою и литературою. На этомъ основаніи отъ Татіана и особенно Тертулліана всего естественнѣе было бы ожидать болѣе благосклоннаго отношенія къ языческой философіи, такъ какъ близкое и обширное знакомство съ извѣстною отраслью науки по большей части волею—не волею внушаетъ къ ней уваженіе и сочувствіе. Но, какъ съ Татіаномъ, такъ и съ Тертулліаномъ, случилось совершенно на оборотъ. Всестороннее знакомство свое со всею тогдашнею языческою наукою они обратили противъ самой науки и ея представителей; свои философскія знанія они употребили главнымъ образомъ на то, чтобы успѣшнѣе и основательнѣе порицать языческую философію и выставить ея самыя черныя стороны. Чѣмъ объяснить такое явленіе?—При первомъ уже взглядѣ на это явленіе нельзя не замѣтить, что причины его кроются въ такомъ или другомъ психическомъ настроеніи и личной симпатіи и антипатіи упомянутыхъ учителей Церкви. И дѣйствительно крайне отрицательное отношеніе къ греческой философіи и вообще къ языческой образованности со стороны Татіана и Тертулліана всего удачнѣе можетъ быть объяснено особенностями характера ихъ жизни. Еще до вступленія въ христіанство они успѣли вполне разочароваться во всей тогдашней языческой образованности. Широкое и повсемѣстное распространеніе либеральныхъ философскихъ идей, родившихся и созрѣвшихъ на почвѣ свободолюби-

вой Греціи, сильно поколебало все религіозныя вѣрованія того времени и породило у всехъ сомнѣніе въ самыхъ основныхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Чтобы выйти изъ такого возбужденнаго скептическаго состоянія, лучшіе люди того времени въ большинствѣ случаевъ предавались изученію философіи, желая въ этой отвлеченной умственной работѣ утолить духовную свою жажду и замѣнить разбитыя вѣрованія и убѣжденія, чѣмъ нибудь болѣе прочнымъ и положительнымъ. Но на этомъ пути представлялось много трудностей и самыхъ серьезныхъ опасностей. Нужно было все изучить, выдѣлить главное и существенное изъ неважнаго и, побольшей части, ложнаго, осмыслить, перечувствовать добытое; требовался такимъ образомъ длинный рядъ усиленныхъ, кропотливыхъ и самостоятельныхъ работъ надъ безконечно разнообразными философскими и религіозными системами прежде, чѣмъ можно было прійти къ какимъ-либо положительнымъ убѣжденіямъ. Къ такой тяжелой умственной работѣ не всякій способенъ. Тѣмъ болѣе не способны были къ ней ни Татіанъ, ни Тертуліанъ. Глубокое, усидчивое изученіе извѣстнаго предмета, холодный анализъ добытыхъ идей и фактовъ въ области отвлеченнаго мышленія вовсе не гармонивали съ энергическимъ и острымъ умомъ, съ пламеннымъ и порывистымъ воображеніемъ и вообще со всею необыкновенно подвижною, огненною натурою Татіана и особенно Тертуліана. Пылкое ихъ воображеніе брало перевѣсъ надъ мыслью и постоянно переносило ее отъ одного предмета къ другому. Это отсутствіе трезвости мысли, особенно вредное при

серьезномъ, строго-научномъ изученіи всякаго предмета, мѣшало имъ глубже и правильнѣе взглянуть на дѣло, составить себѣ болѣе отчетливое и ясное представленіе объ изучаемыхъ предметахъ. Не удивительно по этому, что они не могли пройти благополучно этого широкаго и многотруднаго пути испытанія и что наконецъ близкое знакомство съ языческою литературою, изученіе различныхъ философскихъ системъ привело какъ того, такъ и другаго къ полному и безотрадному скептицизму. Переходя изъ одной философской школы въ другую, обращаясь отъ изученія одной отрасли человѣческаго знанія къ другой, они нигдѣ не нашли ничего истиннаго, ничего положительнаго и прочнаго, на чѣмъ бы можно было опереться. Непрестанныя, усиленные и, сплошь да рядомъ безплодные изслѣдованія философовъ, безконечные и мелочные ихъ споры, заблужденія и пороки, наглый развратъ и самое мрачное невѣжество и суевѣріе въ окружающей средѣ привели, напр. Тертуллиана къ совершенному отчаянію. «Онъ пришелъ къ мысли, что истины во все нѣтъ, что вѣрить не должно ничему и, слѣдовательно можно и должно смѣло предаваться всѣмъ удовольствіямъ свѣта». *) Такой печальный исходъ естественъ и необходимъ для всякаго, кто бы сталъ искать въ языческомъ мірѣ готовой, законченной и при томъ истинной системы, вполнѣ удовлетворяющей всѣмъ высшимъ и разностороннимъ потребностямъ человѣческаго духа. Находясь въ такомъ безотрадномъ умственномъ и нравственномъ положеніи,

*) См. «Труд. Кіев. Дух. Акад.» за 1866 г., № 5, стр. 33, 34.

Татианъ и Тертуліанъ познакомились съ христіанствомъ. Положительныя, богооткровенныя, христіанскія истины, изливъ въ души этихъ совершенно отчаявшихся искателей истины—новую, животворную струю истиннаго вѣдѣнія, наполнивъ душевную ихъ пустоту, давши твердую пищу ихъ уму, тѣмъ самымъ произвели совершенный переворотъ въ ихъ жизни и дѣятельности и еще болѣе усилили отрицательное ихъ отношеніе ко всему языческому и особенно къ философскимъ системамъ, отъ которыхъ они, въ прежней своей жизни, всего болѣе ожидали удовлетворенія духовнымъ своимъ потребностямъ. Безусловно преданные новой божественной, христіанской истинѣ и видя въ ней одной успокоеніе отъ всѣхъ душевныхъ тревогъ и сомнѣній, они естественно не могли относиться равнодушно ко всему языческому, гдѣ пылкое ихъ воображеніе яркими красками рисовало имъ цѣлый рядъ обманутыхъ надеждъ и ожиданій. При томъ нельзя окончательно выпускать изъ вниманія и самаго направленія ихъ богословской дѣятельности. Обстоятельства того времени заставили ихъ выступить на защиту христіанства отъ язычества и ересей; а въ полемикѣ всего чаще возможны увлеченія, подъ вліяніемъ которыхъ высказываются обыкновенно самыя крайніе взгляды, какъ на защищаемый, такъ и на оспариваемый предметъ; хладнокровіе и безпристрастность къ дѣлу забываются здѣсь первѣе всего и смѣняются слѣпою любовью или безотчетною ненавистью къ предмету полемики. Особенно не могъ оставаться безпристрастнымъ пылкій легкоувлекающійся Тертуліанъ. Соображая всѣ эти дан-

ныя легко понять — почему, упомянутые учителя Церкви, при своемъ близкомъ, широкомъ и обстоятельномъ (но не глубокомъ впрочемъ и строго-научномъ) знакомствѣ съ язычествомъ, не могли достойно оцѣнить различныхъ его сторонъ и громили наповаль все языческое, видя въ немъ единственно лишь произведеніе и ухищреніе діавола, такъ что и самая философія — этотъ цвѣтъ и гордость всего язычества явилась у нихъ произведеніемъ злого демона, а философскія системы — наполненными только ложью и заблужденіями. Они смотрѣли на все языческое глазами пессимиста; малѣйшій недостатокъ казался ихъ не довѣрчивому и подозрительному уму, огромнымъ пятномъ, страшнымъ зломъ, противъ котораго они считали нужнымъ вооружаться всѣми силами и потому самому они могли не найти ничего общаго между Аѳинами и Иерусалимомъ, между академіею и Церковью. ?).

Но можетъ ли такое, крайне отрицательное отношеніе Тататіана и Тертулліана къ философіи, соединенное съ близкимъ и обширнымъ знакомствомъ этихъ учителей Церкви совсею тогдашнею языческою наукою, окончательно подрывать, высказанную нами, мысль о томъ, что отсутствіе серьезнаго, строго-научнаго философскаго образованія на западѣ у отцовъ и учителей западной Церкви причиною мрачнаго ихъ взгляда на философію? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма умѣстенъ и законенъ: во первыхъ потому, что крайне отрицательное отношеніе Татіана и Тертулліана къ язы-

?) Praescrip, adv. haer. cap. VII.

ческой философіи было дѣломъ частнымъ, часто личнымъ и выходило изъ индивидуальныхъ особенностей характера ихъ жизни; а во вторыхъ и это главное—потому, что близкое и обширное знакомство этихъ учителей Церкви съ философіею не было въ то же время соединено въ нихъ съ глубокимъ, строго-научнымъ ея изученіемъ. Итъ, повторяемъ, недоставало главнаго, именно—серьезнаго, прямаго отношенія къ дѣлу, правильнаго и яснаго понятія объ изучаемомъ предметѣ, что привело ихъ къ отождествленію философіи съ извѣстными въ ихъ время философскими системами. На этомъ основаніи мы считаемъ себя въ правѣ оставаться при убѣжденіи въ вѣрности, высказанной нами выше, мысли, что различіе взглядовъ св. отцовъ и учителей Церкви, на вопросъ объ отношеніи языческой философіи къ христіанскому откровенію, зависѣло отъ неодинаковаго знакомства западныхъ и восточныхъ отцовъ Церкви съ языческою философіею и отъ различія направленій, ихъ богословско-литературной дѣятельности. Разобранные же и объясненные нами факты, на первый взглядъ совершенно уничтожавшіе эту мысль, еще въ большемъ свѣтѣ выставляютъ истинное ея значеніе.

Но при всей важности и истинности своей высказанная причина различія взглядовъ св. отцовъ и учителей Церкви на языческую философію, не можетъ однакожь имѣть внутренняго, существеннаго значенія и ея одной не достаточно по этому для полноты и ясности представленія о разсматриваемомъ нами предметѣ. Нужно, значить, указать причину болѣе внутреннюю, выходящую изъ самой

сущности предмета. Такая внутренняя причина лежала въ самой философiи, или вѣрiи, — въ такомъ или другомъ ея пониманiи отцами и учителями Церкви. Но было бы не справедливо искать эту причину, какъ думаютъ нѣкоторые, въ *религиозности* языческой философiи. Греческая философiя, напротивъ, была менѣе всего религиозна. Еще съ первымъ пробужденiемъ философской мысли въ лицѣ философвъ iонiйской школы философiя отдѣлилась отъ мифологическихъ преданiй языческой религи и независимостью своихъ рецiональныхъ теорiй все болѣе и болѣе заявляла о своемъ невѣрiи и презрѣнiи къ священнымъ сказанiямъ, которыми питалось и поддерживалось грубое суевѣрiе толпы. Высшiе же представители греческой философiи (Анаксагоръ, Сократъ, Платонъ, Аристотель и др.) въ своихъ возрѣнiяхъ окончательно разошлись съ языческою религию. Либеральныя идеи этихъ мыслителей до того быстро проникли въ сознанiе людей, что еще за долго до появленiя христiанства во имя философiи подымались смѣлые и оживленные протесты противъ языческой религи. Религи скоро сдѣлалась моднымъ предметомъ нападенiй и насмѣшекъ: поэты осмѣивали ее въ театрѣ, философы — въ своихъ школахъ, сенаторы — въ собранiи сената. ⁸⁾ Уже съ распространенiемъ христiанства философiя обратилась было къ языческой религи въ надеждѣ согласить вѣру въ боговъ Олимпа съ выводами философiи и, посредствомъ аллегорическихъ толкованiй, навязать философскiй смыслъ теогонiи поэтамъ

⁸⁾ Marc. Tull. Cic. Pro Cluentio Avito. 61.

и древнимъ священнымъ сказаніямъ. За это дѣло взялись представители неоплатонизма (Порейрій, Ямвлихъ и др.); но скоро почувствовалась вся невозможность оживить мертвый разложившійся трупъ и возвратить вѣру въ боговъ Олимпа тогда, когда въ нихъ никто уже не вѣрилъ. Такимъ образомъ, значить, мнимая религіозность языческой философіи менѣе всего могла быть причиною отрицательнаго отношенія къ ней со стороны строгихъ христіанъ. Причина эта, какъ сей часъ увидимъ, не была существенно необходимою принадлежностью одной языческой философіи; она тѣсно связана съ философіею вообще.

(Окончаніе будетъ).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Подольскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ мы читаемъ интересный отчетъ о состояніи богословской ученической библіотеки Подольской духовной семинаріи за первую половину учебнаго 1867/8 года. Богословская ученическая библіотека при Подольской семинаріи въ качествѣ самостоятельнаго отдѣленія существуетъ съ 1862 года, но до начала нынѣшняго учебнаго года въ ней, не смотря на довольно значительное количество разнаго рода книгъ, недоставало многихъ лучшихъ произведеній послѣдняго времени по части богословскихъ, церковно-историческихъ и другихъ наукъ. При этомъ и средствъ на содержаніе библіотеки, заключающихся въ добровольныхъ пожертвованіяхъ самихъ учениковъ, едва доставало на переплетъ книгъ. Въ виду такого порядка дѣлъ, на одномъ изъ первыхъ педагогическихъ собраній правленія семинаріи, постав-

ленъ былъ между прочимъ вопросъ объ улучшеніи ученическихъ библіотекъ, — при чемъ одному изъ членовъ правленія поручено, на основаніи § 144 устава православныхъ духовныхъ семинарій, заняться собственно богословской библіотекой, привести въ порядокъ существующія въ ней книги, составить новый каталогъ и правила для ученическихъ библіотекъ и пригласить къ участию въ пожертвованіяхъ на улучшеніе библіотеки тѣхъ учениковъ семинаріи, кои имѣли перейти изъ средняго отдѣленія въ высшее. Извѣстіе о такомъ распоряженіи педагогическаго собранія принято было учениками съ такимъ горячимъ сочувствіемъ, что, по предложенной имъ подпискѣ къ пожертвованію въ пользу библіотеки, была собрана такая сумма, какая не собиралась въ теченіи цѣлыхъ предшествующихъ годовъ. Вмѣстѣ съ учениками приняли участіе въ пожертвованіяхъ и наставники семинаріи, которые, кромѣ денегъ, много пожертвовали книгами, — такъ что теперь въ богословской ученической библіотекѣ подольской семинаріи оказалось число книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій до 780.

Могутъ ли причетники слушать лекціи въ университетъ. Въ газетѣ «Москва» напечатано: Намъ сообщаютъ, что причетникъ воскресенской въ Гончарахъ, въ Таганкѣ, церкви Баршевъ, котораго мать постаралась исключить изъ семинаріи и пристроить въ пономари, рано овдовѣвъ, принялся опять за науку и въ нынѣшнемъ году выдержалъ экзамень въ одной изъ москотскихъ гимназій на поступленіе въ университетъ; но, какъ говорятъ, остальной причтъ и староста принуждаютъ его выйти съ причетническаго мѣста, хотя онъ чрезъ то лишается средствъ къ дальнѣйшему образованію въ университетѣ. Развѣ зазорное или противное церковнымъ правиламъ дѣло, что причетникъ, не уклоняясь отъ исполненія своихъ обязанностей, будетъ слушать лекціи въ университетѣ? Могутъ

же причетники заниматься какимъ-либо ремесломъ или искусствомъ—ужели немогутъ заниматься наукой?

Чѣмъ помочь православному священнику въ дѣль обращенія раскольниковъ?—Такой вопросъ былъ предложенъ въ одномъ изъ священническихъ сѣздовъ въ г. Шенкурѣ (арх. губ.), однимъ священникомъ на обсужденіе. Онъ, какъ пишуть въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ—возбудилъ живѣйшее участіе: рѣшили тѣмъ, что священники должны стараться опровергать заблужденіе раскольниковъ и приобретать для себя старопечатныя книги, уважаемыя раскольниками, а за недостаткомъ этихъ книгъ священники непременно должны озаботиться выпискою по 2 до 4 экземпляровъ книги: «*Выписки изъ старопечатныхъ книгъ купца Озерскаго*». Для богатыхъ же церквей положили выписать по одному хотя экземпляру *Колмчей* книги, начатой печататься при патріархѣ Іосифѣ. Кромѣ того, нашли необходимымъ дѣломъ, чтобы всѣ священники между утренею и и обѣднею читали и объясняли прихожанамъ статьи душеполезнаго содержанія, и тутъ бы раскрывали заблужденія раскола; а съ отлучившимся отъ церкви вели частныя собесѣдованія и записывали въ свой журналъ, что говорила та и другая стороны.

Несчастныя жертвы неумѣренной проповѣднической ревности. Въ газетѣ «Кавказъ» разсказанъ слѣдующій прискорбный и поучительный случай, бывшій въ 1865 году: Ауль Хули, по разсказамъ старожилонъ, былъ свидѣтелемъ ужасной смерти бывшаго горскаго пристава, капитана Константинова, одного священника и 8 тагаурцевъ, распространявшихъ между горцами христіанское ученіе. Принудительныя и энергическія мѣры, принятыя этими миссіонерами къ обращенію туземцевъ въ христіанствѣ, пришлись не посрединѣ послѣднимъ, и они, чтобы избавиться отъ насилія, задумали захватить и истребить запальчивыхъ проповѣдниковъ; но послѣдніе, предупрежденные о готовившейся имъ участи и рѣшившись на сопротивленіе дикой силѣ, избрали себѣ для защиты одну башню и заперлись въ ней. Раздраженные неудачею, горцы осадили башню и, когда всѣ попытки къ овладѣнію христіанами оказались тщетными, они заготовили большое количество хворосту, обложили имъ башню и зажгли его.

Варварскій, жестокой способъ истребленія достигъ своей цѣли: христіане были сожжены! Башня, въ которой было произведено это ужасное аутодафе, до сихъ поръ еще сохранила на себѣ слѣды огня; почернѣвшія стѣны ея, вѣроятно, еще надолго останутся напоминать о грустномъ событіи. Съ тѣхъ поръ въ этой башнѣ никто не живетъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СОСТОЯНІЕ СЧЕТОВЪ

ВОРОНЕЖСКАГО ГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО БАНКА,

къ 1-му Юля 1868 года.

А К Т И В Ъ .

Касса	62.202 р.	88 $\frac{1}{2}$ к.
Векселя	283.946 р.	99 к.

Суды подъ залоги:

‰ бумагъ	44.104 р.	—
земель	40 744 р.	25 к.
домовъ	7450 р.	—
вещей	1345 р.	—
содержаніе банка	870 р.	30 $\frac{3}{4}$ к.

Балансъ 440.663 р. 43 $\frac{1}{4}$ к.

П А С С И В Ъ .

Основной капиталъ	10.636 р.	46 $\frac{3}{4}$ к.
Запасный	477 р.	34 к.

Процентные вклады:

вѣчные	12.030 р.	—
5 $\frac{0}{100}$	262.557 р.	18 $\frac{1}{2}$ к.
6 $\frac{0}{100}$	110 683 р.	66 к.
на храненіи	7190 р.	19 к.
Проценты принадлежащ. вкладчикамъ	2640 р.	14 к.
Городскіе надоби. на благотв. цѣли	1272 р.	93 к.
Проценты по учету векселей	17.441 р.	07 к.

По ссудамъ подь залоги:

‰ бумагъ	2596 р. 43 к.
за просрочку ихъ	85 р. 11 к.
акцій	246 р. 31 к.
земель	3146 р. 11 к.
домовъ	569 р. 44 к.
вещей	80 р. 55 к.
переходныя суммы	1 р. 50 к.

Балансъ . . . 440.663 р. 43¼ к.

При этомъ Городской Банкъ считаетъ необходимымъ вновь поставить во всеобщее свѣдѣніе, что вклады для обращенія изъ процентовъ Банкомъ принимаются лично и чрезъ почту: отъ частныхъ лицъ всѣхъ сословій, церквей, монастырей, присутственныхъ мѣстъ и казенныхъ учреждений.

а) Вклады на неопредѣленное время т. е. до востребованія изъ 5‰, но съ тѣмъ, что если капиталъ потребованъ будетъ отъ Банка ранѣе шести мѣсяцовъ, то возвращается безъ процентовъ; по пробѣтїи 6-ти мѣсяцовъ и болѣе, возвращается съ процентами по день востребованія капитала; а также проценты на таковые вклады могутъ быть выдаваемы вкладчикамъ по требованіямъ ихъ по истеченіе шести мѣсяцовъ и безъ возврата капитала.

б) Срочные вклады: отъ 3 до 12 лѣтъ изъ 6‰, а на вѣчное время т. е. безъ возврата капитала изъ 6½‰ съ руб. въ годъ, проценты же на таковые вклады, могутъ быть выдаваемы вкладчикамъ только по истеченіи каждаго года.

в) Принимаетъ къ учету векселя отъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ право по существующимъ законамъ обязываться векселями, и притомъ извѣстныхъ Банку по своей состоятельности. и

г) Выдаетъ ссумы подь залоги: процентныхъ бумагъ, вещей: серебряныхъ золотыхъ и драгоценныхъ камней, а также недвижимой собственности, какъ то: домовъ, лавокъ находящихся въ г. Воронежѣ и земель во всѣхъ уѣздахъ Воронежской губерніи по 8‰ съ рубля въ годъ; дома, лавки и проч. строенія деревянные принимаются на

срокъ отъ 1-го до 3-хъ лѣтъ, каменные до 8 лѣтъ, а земли до 12 лѣтъ; проценты же на всѣ выдаваемые Банкомъ ссуды платятся впередъ.

Директоръ Банка *А. Москалевъ*

Бухгалтеръ *Шовскій*.

Отъ правленія пензенской семинаріи.

Во исполненіе опредѣленія Св. Синода, отъ 26 іюля (18 августа) 1867 года, правленіе пензенской семинаріи честь имѣетъ увѣдомить редакцію «Духовной Бѣсѣды», для припечатанія, что въ сей семинаріи состоятъ вакантными три наставническихъ каѳедры: а) каѳедра 2-го учителя греческаго языка, б) латинскаго языка и в) Церковной тѣщей исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ, съ такимъ присовокупленіемъ, что жалованья каждому учителю 550 руб. сер. въ годъ и что кандидатовъ на замѣщеніе означенныхъ вакансій правленіе въ виду не имѣетъ.

— Вышли въ свѣтъ: четвертая книга «**Москов. Университетскихъ извѣстій**» за 1868 годъ слѣдующаго содержанія: *отдѣлъ оффиціальный*. — 1) Протоколы засѣданій Совѣта за ноябрь и декабрь 1867 года, 2) Особое мнѣніе ординарнаго профессора Соколовскаго о проектѣ Казанскаго университета относительно раздѣленія медицинскихъ степеней на разряды. *Отдѣлъ неоффиціальный* — 1) Тюбингенскіе акты Славянской книгопечатни въ Вюртембергѣ. А. Л. Дювернуа. 2) Вліяніе серебряныхъ солей на кровь и питаніе животныхъ. В. С. Богословскаго. 3) Этнографическія замѣтки: а) Одежды каменнобродскихъ Русскихъ и Мордвиновъ б) Домашній бытъ маріупольскихъ Грековъ. 4) Протоколь тридцатаго засѣданія Император. общества любителей естествознанія Антропологи и Этнографіи. 5) Протоколь перваго засѣданія Этнографич. отдѣла того же общества. в) Новыя сочиненія профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета. 7) Диспуты въ Московскомъ Университетѣ за апрѣль

— Пятая книга «**Москов. Университ. Извѣстій**» за 1867 г. слѣдующаго содержанія: *Отдѣлъ оффиц.* Протоколы засѣ-

даній совѣта за январь и февраль 1868 года. *Отдѣль неоффи.* 1) Измѣненія, производимыя серебромъ въ крови, и отношенія его къ периферической сосудистой системѣ. В. С. Богословскаго, 2) Славянскій съездъ въ Прагѣ и годовщина съезда въ Москвѣ. 3) Этнографическія сочиненія Москов. митрополита Иннокентія. 4) Неизданный біографическій словарь. 5) Два слова о сочиненіи г. Орлова:» О покушеніи на преступленіе по началамъ науки и современнымъ законодательствамъ В. Н. Лешкова. 6) Диспуты въ Москов. Университетѣ за май и июнь. 7) Протоколы засѣданій Славянскаго благотворительнаго комитета въ Москвѣ 26 апрѣля и 11-го мая *Прим.* слѣдующій № Москов. Универ. Извѣстій, по причинѣ лѣтнихъ вакацій войдетъ къ 1-му сентябрю.

апрѣльская книга «Трудовъ кievской духовной академіи» за 1868-й годъ.

Содержаніе ея слѣдующее:

- 1) Книга Прор. Исаи, гл. XXXVI—XXXVIII (переводъ съ еврейскаго).
- 2) Боссюэтъ, епископъ Москій, и значеніе его для католич. дерквы во Франціи (окончаніе) М. Лебедева.
- 3) 26 января въ Лаврѣ св. Саввы. А. и Б.
- 4) Христіанство и нравственность (статья Гизо) Ю. 5) Высокопреосвящен. Филаретъ, митроп. Москов. и коломенскій. (продолженіе). С. Пономарева.
- 6) Пять писемъ митроп. Москов. Филарета къ князю А. Н. Голицыну.
- 7) Объявленіе объ изданіи газеты «Русскій». — 8) Твореніе блаж. Августина (перев. съ латинскаго).

Редакторы: Арх. Вейіаминъ, Иг. Арсеній.
Прот. Ѳ. Никоновъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: протоіерей *Скрябинъ* и священникъ *Волковъ*. Воронежъ. Июли 29-го дня, 1868 года. Въ типографіи В. Гольдштейна.